Алексей Кимович Малаховский, Салли Аджиб
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
malakhovskiy-ak@rudn.ru
1132255919@rudn.ru

Роль гражданской журналистики в освещении событий на сирийском побережье в марте 2025 года и ее влияние на общественное мнение

Статья посвящена анализу ключевой роли гражданской журналистики, использующей платформы социальных сетей в освещении трагических событий в Сирии марта 2025 г. Исследование опирается на описательно-аналитический метод и контент-анализ выборки публикаций. Авторы делают вывод о том, что гражданская журналистика стала основным источником новостей в условиях полного информационного вакуума.

Ключевые слова: гражданская журналистика, Сирия, общественное мнение, социальные сети.

В условиях стремительного технологического развития социальные сети превратились из инструментов личного общения в эффективные медийные платформы. Это преобразование позже получило название «гражданская журналистика» или «партиципаторная журналистика» [1]. Эта роль наиболее ярко проявилась в сирийском контексте после радикальных политических изменений 2024 года.

После падения режима Башара Асада в декабре 2024 года и роспуска официальных силовых и медийных институтов возник полный информационный вакуум, в котором переходные власти ограничились использованием платформ типа Telegram для публикации лишь сухих официальных заявлений. На фоне этого вакуума в марте 2025 года на побережье

вспыхнули события без какого-либо институционального медийного освещения. Здесь платформы Facebook и Instagram (запрещенные в России) выступили как ключевые игроки, став основным источником информации, новостей и прямых репортажей.

После прекращения работы официальных медиаинститутов Сирии в 2024 году возник полный информационный вакуум, что привело местную и международную аудиторию к состоянию полной зависимости от гражданской журналистики, использовавшей платформы Facebook и Instagram (запрещенные в России) для получения информации о трагических событиях на сирийском средиземноморском побережье в марте 2025 года.

Для анализа авторы произвели выборку материалов указанных платформ за период марта 2025 года с хэштегами #مجازر_الساحل (резня побережья), #أنقذو_العلويين (спасите алавитов), #نطالب_بالمحاسبة (требуем привлечения к ответственности). Контент представлял собой смесь первичных визуальных материалов (фотографии и видео тел, разрушений, похорон), риторико-мобилизационных текстов общественных деятелей и активистов, записанных свидетельств и призывов о помощи. Публикации по тональности в основном выражали сочувствие жертвам, язык их был ярко эмоционально окрашен («резня», «геноцид», «холокост»).

В анализируемых материалах переплетались три основных фрейма: фрейм жертв (акцент на страданиях невинных), фрейм организованного преступления (обвинение конкретных группировок) и фрейм бездействия власти (обвинение временного правительства в отсутствии защиты).

Роль таких технических средств гражданских журналистов, как смартфонов проявилась. во-первых, в сборе первичной документации (большинство шокирующих визуальных материалов были сняты на смартфоны выжившими или очевидцами), во-вторых, в мгновенной передаче информации (смартфоны позволили напрямую транслировать рассказы и призывы о помощи

без посредников), в-третьих, в документализации доказательств (публикации превратились в цифровые доказательства, использованные правозащитными организациями и международными СМИ).

В ходе исследования авторы подтвердили теорию зависимости [2]: крах традиционной медийной системы привел к состоянию «полной вынужденной зависимости» аудитории от изучаемых платформ, которые выполнили функцию «устранения неопределенности» (понимание событий), предоставили интерпретацию и ориентацию, что привело к последовательным эффектам: когнитивным (формирование нарратива «геноцида»), аффективным (волна коллективной скорби и гнева) и поведенческим (стимулирование требований) [3].

Рассматриваемые платформы стали не только трибуной общественного мнения, а превратились в инструментарий для установления фактов. Распространяемый контент превратился из «публикаций» в «цифровые доказательства», которые использовало агентство Reuters в международном журналистском расследовании.

Авторы приходят к выводу о том, что в периоды кризисов официальным властям следует избегать создания информационного вакуума, создавая прозрачные и быстрые официальные каналы связи, а также относиться к контенту, распространяемому на платформах социальных сетей, не только как к «слухам», но и как к первичным индикаторам, требующим быстрого официального расследования.

Литература

1. توفيق، شريهان محمد .(2023) .الإلكترونية للصحافة الأخلاقية مسؤولية

Тауфик, Шерихан Мухаммад (2023). Этическая ответственность электронной журналистики. Каир: изд-во «Аль-Араби», 296 с. (на арабском языке).

2. عثمان، ماجد) .2011 .(قياس الرأي العام من النظرية إلى التطبيق .القاهرة: دار الشروق 229 ص.

   Отман, Маджид. (2011). Измерение общественного мнения: от теории к практике. Каир: изд-во «Аш-Шурук», 229 с. (на арабском языке)

3. الرحيم عبد عمر هدى ترجمة ؛ Paul Long, Tim Wall / الإعلامي الإنتاج : الإعلامية الدراسات ، 2018 ، والنشر للتدريب العربية المجموعة : القاهرة .الرحمن عبد عادل نرمين 293.ص

   Лонг П., Уолл Т. (2018). Медиаисследования: СМИ и их влияние на общественность (перевод Худы Омар Абдель Рахим и Нермин Адель Абдель Рахман). Каир: Арабская группа по обучению и издательской деятельности, 293 с. (на арабском языке).